

**РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ
КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ****

В статье анализируются подходы к изучению российской провинции второй половины XIX в. как особого историко-культурного пространства. Освещены эволюция понятия «провинция» и ход полемики известных мыслителей XIX – начала XX вв. по вопросу о роли провинции в культурной жизни России. На основе анализа работ современных исследователей выявлены стереотипы в восприятии российской провинции и выделены перспективные методологические подходы, позволяющие изучить историко-культурный облик регионов пореформенной России во всем их многообразии.

Ключевые слова: историография, история России, региональная история, провинция, историко-культурное пространство.

Российская провинция – не только географический и административный, но и особый социально-психологический и культурный феномен. Поэтому она является объектом изучения для многих гуманитарных наук (исторических, социологических, психологических, литературоведческих и других). Культурные и исторические особенности жизни российской провинции, «глубинки», находили отражение не только в научных исследованиях, но также в искусстве (в частности, в художественной литературе).

В последние два десятилетия в отечественной науке наблюдается новый всплеск интереса к изучению региональной истории; свидетельством тому может служить, например, появление целого ряда энциклопедических изданий, разносторонне освещающих прошлое и настоящее того или иного региона [1–5]. Этот интерес, как нам представляется, обусловлен многими факторами. Среди них – формирование нового регионального самосознания на постсоветском пространстве и высокая общественная потребность в поиске так называемых «мест памяти», способных консолидировать современный социум.

Изучение конкретно-исторических аспектов жизни российской провинции в современной науке идет параллельно с поиском теоретико-методологического инструментария для решения новых научных задач. Одним из возможных путей и аспектов изучения провинции является ее рассмотрение как особого историко-культурного пространства.

«Историко-культурное пространство» – сравнительно новый термин, ставший в последнее время популярным в гуманитарных науках. Под ним понимают прежде

* © Цыганова Я.М., 2013

Цыганова Яна Михайловна (tym90@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

всего пространство осуществления образа жизни общества в истории [6, с. 32]; совокупность социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство и функционирование культурных ценностей; в том числе тех институтов, которые выполняют функцию сохранения и трансляции исторической памяти. Формирование духовной культуры того или иного региона невозможно без исторического измерения, без исторической памяти – того образа истории, который выражается в самосознании общества и включает в себя места памяти, традиции, праздники, обряды, ритуалы [7, с. 13–17].

В отечественной историографии российскую провинцию традиционно рассматривают как пространство, наделенное особыми культурными характеристиками. Так, историк М.А. Орешина характеризует провинциальный регион «как уникальный локальный хронотоп, которому свойственны внутренняя самодостаточность, самобытность, подвижность границ, его немасштабность и одновременно разномасштабность, потенциальная целостность, культурная полифоничность» [8]. Региональное историко-культурное пространство рассматривается ею как «социально выраженное пространство духовно-культурной интеграции, как пространство, имеющее свои генетические корни» [8].

Сам по себе термин «провинция» в русском языке многозначен. Так, например, Г.М. Дробжева в своей работе выделяет два основных его значения: во-первых, единица административно-территориального деления в конкретных государствах в конкретный исторический период; во-вторых, местность, удаленная от столицы, культурных центров [9, с. 386]. В России возникновение понятия «провинция» относится к Петровскому времени, когда этим словом была названа единица административно-территориального деления Российской империи. Упразднение провинций в 1775 году не повлекло за собой исчезновения самого термина, хотя смысл его существенно изменился. Провинцией стали называть территории, находящиеся вне столиц: новой столицы – Петербурга – и Москвы, которая, уступив первенство Петербургу, сохранила свой столичный статус и осталась «древней первопрестольной». Термин «провинция» с конца XVIII в. и до сегодняшнего времени употребляется именно в этом смысле – все территории, находящиеся за пределами официальных границ обеих столиц. Фактически под провинцией в социально-политическом дискурсе XIX–XX вв. понимается почти вся Россия.

Кроме того, как отмечает Л. Зайонц, к середине XIX века термин «провинция» употреблялся в общественной мысли для обозначения широкого, но вполне определенного культурного континуума: под провинцией понимался культурный ландшафт, традиционно складывавшийся «из трех взаимодействующих миров – деревни, усадьбы и уездного/губернского города» [10]. В формировании такого образа провинции немаловажную роль сыграла художественная литература. Реформа 1861 г. изменила инфраструктуру провинциальных городов, ставших вскоре очагами социальной и политической нестабильности, мир дворянской усадьбы, которую ждали обнищание и разорение, и патриархальный деревенский уклад. Все эти процессы нашли отражение в резком расширении спектра негативных значений понятия «провинция». С тех пор в словосочетании «русская провинция» всегда будут присутствовать «два взаимоисключающих, но тем не менее неразрывно связанных друг с другом смысла – убогого никчемного захолустья и потерянного рая» [10, с. 70–88].

В силу этих причин в пореформенной публицистике началась полемика о культурной роли провинции в российской жизни. Так, уже в 1861 г. А.П. Шапов отмечал, что в российской истории действуют два начала: централизация – «пришедший вновь элемент для внешнего устройства, для обобщения областности», и областность –

«коренное непреходящее, только внутренне видоизменяющееся начало народного историко-географического самораспределения, местно-общинного развития» [11, с. 581]. Щапова не устраивало, что в современной ему исторической науке «на первом плане рисуются действия государственности, развитие единой державы, централизации»; взамен он предлагал принципиально новый «областнический» подход к изучению и преподаванию русской истории – «истории различных областных масс народа, истории постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации» [12, с. 31–32]. Стремления Щапова нашли поддержку у историка Н.М. Костомарова, а также у идеологов сибирского общественного движения – «областничества» [13, с. 236–252].

Пореформенные годы стали периодом активности органов местного самоуправления (земское движение), проявления культурных особенностей земель, развития исторического самосознания, формирования краеведения. Не случайно именно в этот период развивается публицистическая кампания за право провинции на культурное самоопределение (ее ход подробно описан в работе Л. Зайонц). Эти дискуссии закрепили новый функциональный статус слова «*провинция*»: с этого времени данное понятие выступает уже как носитель специфической внутрикультурной проблематики и закрепляется в лексиконе политиков, идеологов, деятелей литературы и искусства [10, с. 70–88].

В философской публицистике того времени тема провинции и связанного с ней понятия «провинциальность» получает двойственное истолкование. Как обязательный элемент публицистического дискурса выступает противопоставление «отсталой» провинции «прогрессивной» столице. Однако это противопоставление могло трактоваться двояко. С одной стороны, провинция описывалась как захолустье, тормоз на пути прогресса, даже символ дикости. С другой стороны, та же самая провинция могла восприниматься как своеобразное хранилище народной культуры, оплот народного духа, который не столько препятствует дальнейшему развитию, сколько обеспечивает ему собственную национальную специфику.

Первая из этих двух точек зрения нашла отражение в творчестве идеолога пореформенного консерватизма К.Н. Леонтьева. Стоит отметить, что сам Леонтьев не выстраивал в своих работах цельной концепции роли и значения российской провинции. Однако, как полагает Г.М. Дробжева, на основании комплекса его произведений возможно реконструировать так называемую «философию провинции». Дробжева предлагает следующую интерпретацию взглядов Леонтьева: самобытная провинция, по его мнению, занимает более значимое место в культурном пространстве России, нежели центр [9, с. 391]. Леонтьев много писал именно о собственной культуре и некоей самости русского народа, который «не подражал дворянам и чиновникам с их иноземными формами, упорно сохраняя свое», и потому «в удалении своем сохранил нам то полносочие, которым мы можем изумить весь мир, если сумеем им воспользоваться» [14, с. 183–184]. Эти элементы народности, по мнению не только Леонтьева, но и других мыслителей, сосредотачивались именно в провинции, а не в столицах, тяготеющих к Западу и его «общему культурному типу». По мнению Дробжевой, эта концепция, построенная вокруг принципа «разнообразия в единстве» [15, с. 302], представляет собой своеобразную социально-политическую программу сопротивления унификации и обезличению мировых культур. Леонтьев считал провинциальное культурное разнообразие показателем высокой стадии общественного развития и полагал, что для сохранения этого разнообразия провинции должны пребывать в состоянии некоторого застоя [9, с. 391–392]: «отсталые» регионы, сохранившие уникаль-

ность народа, могут стать залогом самостоятельного общественно-культурного развития страны.

Иной подход прослеживается в работах знаменитого философа Серебряного века Н.А. Бердяева. Он одним из первых поднял вопрос о культурно-общественном «равноправии» столицы и провинции, так как, по его мнению, полярность «полюсов русской жизни», «незрелость провинции и гнилость государственного центра» губительны для судеб страны. Как полагал Бердяев, Россия совмещает «в себе несколько исторических культурных возрастов, от раннего средневековья до XX века, от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры», а культурная жизнь и «свободные личные и общественные силы провинции задавлены централизацией и подчинением всей жизни государственному интересу» [16, с. 73]. Бердяев выражал надежды на возможность преодоления в будущем «метафизик» централизма и провинциализма, на уменьшение различий между центром и провинцией, что должно будет вызвать духовно-культурный подъем «огромной, неведомой, народной, провинциальной, «обывательской» России» [16, с. 75]. Бердяев в своих трудах очень остро поставил проблему отсталости российской провинции, видя в этом, в отличие от К.Н. Леонтьева, своеобразную «недоразвитость» и всей огромной страны.

Настоящий методологический прорыв в осмыслении феномена провинции был сделан в 1920-е гг. (так называемое «золотое десятилетие» отечественного краеведения) историком культуры, филологом и литературоведом Н.К. Пиксановым. Для отражения регионального своеобразия России им было введено понятие «культурное гнездо». Сам этот термин напоминает «культурно-исторические типы» Н.Я. Данилевского; если придерживаться данного подхода, «культурные гнезда» можно назвать подтипами одной из культурно-исторических форм, выделенных Данилевским. Областные культурные гнезда, о которых писал Пиксанов, представляют собой историко-культурные локусы с определенной территорией; выделяя эти гнезда, он исходил из того, оказывали ли они влияние на общерусскую культуру и насколько оно было значительным. Такое влияние могло иметь место, например, благодаря известным научным и культурным деятелям, которые выросли в каком-либо провинциальном регионе, «издавна накопившем местные культурные средства» [17, с. 19], а затем переехавшим в столицу. Помимо этого, историк отмечал и возможность обратной связи — влияния деятелей из столицы и других губерний на культурное развитие и обогащение того или иного региона.

Пиксанов приводил доказательства существования нескольких сильных культурных центров в допетровской Руси: новгородско-псковского, тверского, муромо-рязанского и др. По мнению Пиксанова, «допетровские культурные центры опирались не только на политическую независимость; скорее она сама была производной от других сил и условий. Географические особенности, своеобразие в организации народного хозяйства давали более устойчивые основы культурному обособлению», и именно поэтому «они сохранили свою силу и властность и в новое время» [17, с. 30].

К сожалению, «золотое десятилетие» отечественного краеведения оборвалось слишком быстро — на смену 1920-м годам с их относительной творческой свободой пришла долгая эпоха казенного единомыслия. Именно поэтому современная наука вынуждена заново искать методы и подходы к изучению российской провинции. Научный поиск осуществляется усилиями представителей различных гуманитарных дисциплин: «культурологический поворот», совершившийся в исторической науке в конце XX в., актуализировал поиск междисциплинарных связей, использование культурологических методов для реконструкции картины исторического прошлого.

Так, предметом анализа в современных работах может выступать не только понятие «провинция», но и «провинциальность» как особое качество жизненного уклада. По мнению Е.И. Кириченко и Е.Г. Шеболевой, «провинциальность» подразумевает вовсе не удаленность от столицы (значение, свойственное самому понятию «провинция»), а особый уклад жизни, быта, поведения, манеры одеваться, облик зданий, типичный для территорий, находящихся вдали от столицы, — словом, все то, что из столичного далека кажется смешным, старомодным, нелепым, патриархальным. Представление о «провинциальности» регионов зарождалось именно в столицах: Петербург, будучи самым европейским из российских городов, относился свысока, снобистски ко всему не столичному, не петербургскому. Отношение это несколько напоминало взгляд иностранцев на Россию как на не-Европу, «чужое» по отношению к «своему» — европейскому. Причем по петербургским меркам Москва тоже являлась провинцией. Москва же в имперский период, будучи второй столицей, с ее русскими традициями и менталитетом, в отличие от Петербурга, относилась к провинции значительно более терпимо и снисходительно. Таким образом, элементы провинциальности, как считают исследователи, могут быть присущи и столице, равно как некая «столичность» может быть выявлена и в провинции [18, с. 49].

Многие из современных исследований позволяют понять особенности структурирования историко-культурного пространства российской провинции. Центральную роль города в складывании историко-культурного пространства провинции отмечает пензенский историк Н.М. Инюшкин. По его мнению, город творит самосознание провинции; именно города от имени российской провинции вступают в диалогические отношения со столицей, в них осуществляется большая часть информационного обмена между людьми. В духовной, культурной, информационной ауре провинциального города остаются следы влияния носителей различных, иногда противоположных качеств; именно здесь становятся возможными познание и оценка другого, а также самопознание и самооценка [19, с. 23].

Роль и место провинциального российского города в системе пространственных и культурных взаимосвязей империи характеризуются в работах М.Л. Кагана. Он указывает, что исторически русская провинция была поставлена в противоречивое положение — культурной зависимости и пространственной удаленности от обеих столиц. С одной стороны, ей была несравненно ближе Москва — хранительница традиционного образа жизни и исторической памяти. С другой стороны, провинция должна была следовать образцам поведения, диктовавшимся Петербургом. Беспрецедентная пространственная удаленность провинциальных городов от столиц порождала у провинциалов амбивалентное ощущение заброшенности и независимости, свободы от притязаний центральной власти.

Каган также отмечает, что в России провинциальный город существует в поле притяжения двух сил — столичных и деревенских: и потому, что его население непрерывно пополняется из деревни; и потому, что он возвращает для деревни учителей, агрономов, врачей и т.д. — феномен «обратной связи»; и потому, что большинство горожан находятся в постоянных прямых контактах с деревенскими родственниками, да и сами участвуют в сельскохозяйственном производстве. Столь тесная связь с окружающей город деревенской средой непосредственно сказывалась в психологии горожан, характере провинциальной культуры. Следует учитывать и связанную с грандиозными размерами страны масштабную неоднородность провинции, различия между большими городами с многотысячным населением, крупными промышленными предприятиями, университетами, театрами — и маленькими тихими городками, лишенными всех этих объектов и ведущими полудеревенский образ жизни. Очевид-

но, что в провинциальных городах разного масштаба соотношение мобилизующей, стабилизирующей и охранительной функций различно: чем крупнее город, тем сильнее в нем потребность внедрения нового, прогрессивного, сближающего его со столицей, а чем он мельче, тем значительнее его тяготение к покою, стабильности, патриархальности, т. е. к идеалу сельского бытия [20, с. 22–25].

Противоречивость характеристик культурного пространства провинции подчеркивается и в работе И.В. Отставной. Российская провинция рассматривается ею как своеобразный мир, которому присущи обозримость и замкнутость культурного горизонта, близость культурных процессов к человеку, а человека к природе, включенность явлений культуры в повседневное бытие провинциального общества, эмоциональность и консерватизм. Поэтому все культурное пространство провинции проникнуто особым духовным измерением — отдаленность от центра обуславливает ощущение временной замедленности, внесобытийности существования в ограниченном, замкнутом пространстве. Как считает исследовательница, провинциальная ментальность достаточно безынициативна, в провинции наблюдается лишь отражательная активность. В то же время любые новации в столицах неизбежно сталкиваются, соприкасаются с особенностями провинциальной культурной среды; мир российской провинции в значительной степени определяет модель русской культуры [21].

Следует отметить, что российская провинция никогда не представляла собой единого историко-культурного феномена: под этим понятием объединяются регионы, совершенно несхожие по своим природно-географическим, климатическим, этнодемографическим, социально-экономическим и культурным особенностям. Вследствие этого нельзя говорить обо всей российской провинции как об однородном культурном пространстве, так как каждый ее регион (Поволжье, Приуралье, Сибирь, Дальний Восток, Русский Север и т. д.) обладает своей особенной культурой и представляет собой специфический культурный тип.

Несколько характеристик, определяющих своеобразие культурного пространства регионов, выделяются в работе Т.А. Чичкановой. Во-первых, это географические и природные особенности, которые оказывают влияние на духовное существование регионов, специфику хозяйствования общества, формирования картины мира и т. д. Второй характеристикой является пространство, созданное человеком, — иными словами, архитектура. В архитектурном пространстве (прежде всего городов) находят отражение исторически сформированная эстетическая культура населения, его эстетические потребности, уровень вкуса, критерии поведения. Третья характеристика — сфера духовной жизни населения, главной составляющей которой является историческая память, традиции, культурно-исторические особенности [22, с. 11–17].

Особым направлением современной исторической регионалистики стало изучение так называемой «воображаемой географии» — образов тех или иных регионов, сформировавшихся в сознании современников. Первопроходцем в этой сфере исследований стал американский ученый Э. Саид, проследивший в своей классической работе «Ориентализм» историю формирования образов Востока и стереотипов его восприятия в культуре Запада [23]. Как указывает современный российский специалист по данной проблематике Д.Н. Замятин, географические образы являются устойчивыми пространственными представлениями, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности. Географический образ в самом общем смысле — это совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т. д.) [24, с. 92–94]. Образы представляют собой так называемое «четвертое измерение» историко-культурного пространства — измерение воображаемого; не случайно разделы по

«воображаемой географии», «образам пространства» и «образам Другого» в наше время зачастую включаются в обобщающие труды по истории того или иного региона [25; 26].

Образы региона, в свою очередь, складываются под влиянием многих обстоятельств. На формирование географического образа оказывают влияние такие факторы, как ментальные установки и стереотипы (порождающие определенные мифы о той или иной местности), социокультурные особенности конкретной эпохи, идеология, личные представления тех, кто писал о конкретном регионе. Так, например, М.И. Орешина показывает, что Русский Север в общественном сознании начала XX века воспринимался как архаическая зона, территория консервации инородных русскому населению финно-угорских элементов и реликтовой культуры [8]. В свою очередь, Н.Н. Родигина выявляет внутреннюю противоречивость образа Сибири, сложившегося в отечественной журналистике второй половины XIX – начала XX в.: Сибирь в разное время воспринималась либо как далекая, суровая окраина – место ссылки и каторги, либо как богатейший край, ресурсная кладовая империи – в противопоставление страдающей от малоземелья европейской части страны [27, с. 94–104; 28, с. 45].

Неповторимый историко-культурный облик каждого провинциального региона определялся сочетанием многих факторов, в их числе – географические и природные особенности, этнокультурный облик населения, политика властей в отношении конкретных областей империи, структура социокультурных взаимоотношений между различными, губернскими и уездными городами, между городом и деревней. Общественная мысль, историческая, философская и художественная литература способствовала формированию узнаваемых, выразительных образов регионов в общественном сознании, региональной идентичности и исторической памяти социума.

Таким образом, в современной исследовательской литературе историко-культурное пространство трактуется как обладающее внутренней целостностью пространство культурных объектов, где интегрирующая роль принадлежит исторической памяти. Внедрение этого понятия в методологический инструментарий исторической науки открывает новые перспективы для изучения российской провинции: она предстает как разнородное пространство, включавшее в себя множество уникальных «культурных гнезд» и в то же время обладавшее устойчивыми типологическими характеристиками.

Библиографический список

1. Историко-культурная энциклопедия Самарского края: в 4 т. Самара: Самар. Дом печати, 1993–1995.
2. Ульяновская – Симбирская энциклопедия: в 2 т. / ред.-сост. В.Н. Егоров. Ульяновск: Симбир. кн., 2000.
3. Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2001. 759 с.
4. Воронежская энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. М.Д. Карпачев. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008.
5. Энциклопедия Самарской области: в 6 т. Самара: СамЛюксПринт, 2010–2012.
6. Быстрова А.И. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12.
7. Селезнева Е.Н. Историко-культурная среда как среда памяти // Памятники в контексте историко-культурной среды. М.: НИИК, 1990. 142 с.
8. Орешина М.А. Русский Север начала XX века как историко-культурное пространство: источниковедческие и методологические подходы к изучению проблем

регионалистики: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 333 с. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/russkij-sever-nachala-xx-veka-kak-istoriko-kulturnoe-prostranstvo.html> (дата обращения: 18.05.13).

9. Дробжева Г.М. Русская философия XIX – начала XX вв. о роли провинции и сохранения национального своеобразия // Провинция в контексте истории и литературы / V Крапивенская конференция: материалы и доклады. Тула: Ясная Поляна, 2009. 407 с.

10. Зайонц Л. Провинция: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 70–88.

11. Шапов А.П. Великорусские области и Смутное время (1606–1613 гг.) // Отечественные записки. Т. 138. СПб., 1861. № 10. С.579–616; № 11. С. 79–118.

12. Шапов А.П. Сочинения: в 3 т. Т. 3: С биографией А.П. Шапова. СПб.: М.В. Пирожков, 1908. 717 с.

13. Боярченков В.В. Историко-федералисты. Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 256 с.

14. Леонтьев К.Н. Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. 334 с.

15. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство: сборник статей. М.: АСТ, 2007. 571 с.

16. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2005. 336 с.

17. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.–Л.: Госиздат, 1928. 148 с.

18. Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г. Русская провинция. М.: Наш дом, 1997. 186 с.

19. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза: [б. и.], 2004. 439 с.

20. Каган М.Л. Москва – Петербург – провинция: «двустильность» России – ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. 1993. № 1. С.16–28.

21. Отставнова И.В. Пространство российской провинции: «Жизнесмыслы»: дис. ... канд. культурол. наук. Саранск, 2006. 150 с. URL: <http://www.dslib.net/teorija-kultury/prostranstvo-rossijskoj-provincii.html> (дата обращения: 21.06.13).

22. Чичканова Т.А. Развитие российской провинции: культурологический подход. Самара: Поволж. отд-ние РАО, 1997. 44 с.

23. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. СПб.: Рус. мирь, 2006. 636 с.

24. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 485 с.

25. Северный Кавказ в составе Российской империи / ред. В.О. Бобровников, И.Л.Бабич. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 460 с.

26. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю.Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.

27. Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: основные итоги изучения // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: НГПУ, 2006. 263 с.

28. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.

*Ya.M. Tsyganova****RUSSIAN PROVINCE IN POST-REFORM PERIOD AS HISTORICAL
AND CULTURAL SPACE: APPROACHES TO THE STUDY**

The paper analyzes approaches to the study of Russian province of the second half of the XIX century as a special historical and cultural space. The evolution of the concept «province» and the process of the debate between leading Russian thinkers of the XIX and early XX centuries on the role of province in the cultural life of Russia is highlighted. On the basis of analysis of works of modern scholars, the stereotypes in the perception of «province» are singled out and some promising methodological approaches to the study of historical and cultural identity of the regions of post-reform Russia in all their diversity are highlighted.

Key words: historiography, Russian history, regional studies, province, historical and cultural space.

* *Tsyganova Yana Mihailovna* (tym90@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.